

Ю.В. Пущаев*

ЛИБЕРАЛИЗМ КАК УБИЙЦА «ЦВЕТУЩЕЙ СЛОЖНОСТИ»: ЖИЗНЕННЫЙ МИР СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В СВЕТЕ ИДЕЙ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

В исследовательской литературе последних десятилетий уже много было сказано о сбывшихся пророчествах выдающегося русского мыслителя К.Н. Леонтьева. Однако есть еще одна сфера, применительно к которой можно говорить сегодня об очередном, сбывающемся на этот раз прямо на наших глазах пророчестве. Речь идет о либерализме и убеждении К.Н. Леонтьева, что последний влечет за собой уравнивание, всесмешение, упрощение и в конечном счете разрушение и гибель как культуры, так и жизненного мира человека. В данной статье автор предпринимает попытку оценить, что же победа либерального мировоззрения привнесла в жизненный мир современного человека: его быт, городскую среду, культуру, искусство и т.д.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, цветущая сложность, либерализм, жизненный мир, современный человек

Liberalism as a killer of the «blossoming complexity»: the lived world of a modern man in the light of Konstantin Leontiev's ideas. YURI V. PUSHCHAEV (Lomonosov Moscow State University; Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences)

In the research literature of recent decades, much has already been said about the fulfilled prophecies of an outstanding Russian thinker Konstantin Leontiev. However, there is one more area, in relation to which we can observe another prophecy coming true right before our eyes. We are talking about liberalism and Leontiev's conviction that it entails equalization, confusion, simplification and, ultimately, the destruction and death of both culture and the lived world of a person. In this article, the author attempts to assess what the victory of the liberal worldview has brought to the lived world of a modern man: his way of life, urban environment, culture, art, etc.

Keywords: K.N. Leontiev, «blossoming complexity», liberalism, lived world, modern man

К.Н. Леонтьев в истории отечественной мысли уникален тем, что сбылось немало его прогнозов и предвидений. Наверное, среди русских мыслителей он на сегодня по этому показателю занимает первое место, причем с большим отрывом. Думается, в этом заключается

* ПУЩАЕВ Юрий Владимирович, кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории «Информационные системы в гуманитарном образовании» философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, старший научный сотрудник отдела философии Института научной информации по общественным наукам РАН.

E-mail: putschaev@mail.ru

© Пущаев Ю.В., 2022

одна из основных причин начавшегося с конца 1980-х гг. некоего «леонтьевского бума» – того, что на контрасте с его прижизненной малоизвестностью Леонтьев теперь является одним из самых читаемых и обсуждаемых авторов в истории русской философии. Кстати, одна из первых книг, посвященных Леонтьеву после долгих лет принудительного забвения при советской власти, вышедшая в 1991 г., неслучайно так и называлась – «Пророчества Константина Леонтьева» [4]. Мыслитель с такой, условно говоря, прогностической эффективностью не мог не заинтересовать потомков.

Говорить о неожиданно сбывшихся или сбывающихся пророчествах К.Н. Леонтьева стали уже вскоре после Октябрьской революции. Умиравший от голода и холода в Сергиевом Посаде Розанов писал в октябре 1918 г. полные отчаяния строки о том, что сбылись ужасные предупреждения Леонтьева насчет социализма: «Бури. Лом леса. Павшее дорогое отечество. Плач, плач, стоны. *Все* (курсив мой. – прим. авт.), что так предрекал Леонтьев, сбылось. Сбылось еще ужаснее, чем он говорил. Старуха беззубая – Россия. О, как ты ужасна, ведьма, ведьма, со включенными волосами... И эти фурии наказаний, казни. Кассандра. Леонтьев – Кассандра, бегавшая по Трое и предрекавшая... (всего за 15 лет). И как ее же, его никто не услышал. А было всего за 25 лет до пожара “Трои”, – европейской всей цивилизации, – и введен был огонь, прошедшими в город через “деревянного коня” социализма... с мирными обещаниями “на земле царства небесного”» [2, с. 58–59].

А к концу XX в., на волне начавшегося «леонтьевского бума» указывать на сбывшиеся пророчества «одинокого мыслителя» стало даже в чем-то модно. То, что прежде казалось леонтьевскими странностями и эскападами, его любовью к парадоксам, вдруг приобрело ощутимую неприятную реалистичность.

Леонтьев, например, предсказывал и уверял, вопреки господствовавшим тогда симпатиям к «братьям-славянам», что панславянское братство и единство – это миф, мираж, иллюзия. Сам оставаясь горячим патриотом России, он все-таки ясно видел, что народы Восточной Европы уже тогда в лице своей интеллигенции (а народ рано или поздно все равно пойдет за интеллигенцией, а не наоборот¹) необратимо

поддались обуржуазиванию. Они уже тогда необратимо встроились в хвост «передовой» Западной Европе с ее уравнивающим, как асфальтный каток, прогрессом, либерализмом и демократией. Прозорливость Леонтьева в этом вопросе получила свое печальное окончательное доказательство сегодня, когда уже практически вся Восточная Европа (даже те страны, за освобождение которых Россия платила сотнями тысяч жизней) безоглядно вступила в НАТО.

Леонтьев, как мы уже указали со ссылкой на Розанова, предсказал, что XX в. станет веком социалистического рабства: «Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, – вероятно, в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин государству. Будет новый феодализм – феодализм общин, в разнообразные и неравноправные отношения между собой и ко власти общегосударственной поставленных. Я говорю из вежливости, что подозреваю это; в самом же деле я в этом уверен, я готов пророчествовать это» [8, с. 132].

Удивительно, но Леонтьев угадал и то, какую негативную роль в отношении исторической России сыграет философия в лице гегельянизированного марксизма. В одном из писем Розанову он замечал: «Я опасюсь для будущего

России и который был уверен, что народ победит атеизм и социализм, проникшие в высшие слои общества. См. классические пророчества старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». Первое – о победе над атеизмом: «От народа спасение Руси... Неверующий деятель у нас в России ничего не сделает... Народ встретит атеиста и поборет его» [3, с. 285]. А что касается социализма, то в России в противоположность Европе, по ожиданиям Достоевского, должна была воцариться социальная гармония: «Даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего пред бедным, а бедный, видя смирение его, поймет и уступит ему с радостью, и лаской ответит на благолепный стыд его» [3, с. 286]. Надо сказать, что Леонтьев был гораздо более реалистичен, когда предупреждал насчет русского народа, что может стать так, что «через какие-нибудь полвека, не более, он из народа “богоносца” станет мало-помалу, и сам того не замечая, “народом-богоборцем”, и даже скорее всякого другого народа, быть может. Ибо, действительно, он способен во всем доходить до крайностей... Евреи были гораздо более нас, в свое время, избранным народом, ибо они тогда были одни во всем мире, веровавшие в Единого Бога, и, однако, они же распяли на кресте Христа, Сына Божия, когда Он сошел к ним на землю» [5, с. 458].

¹ Вопреки одному из многих несбывшихся положительных предсказаний Достоевского, который считал народ хранителем христианской истины в

го России чистой оригинальной и гениальной философии. Она может быть полезна только как пособие богословия. Лучше десять новых мистических сект вроде скопцов и т.д., чем пять новых философских систем (вроде Фихте, Гегеля и т.п.). Хорошие философские системы, именно хорошие, – это начало конца» [2, с. 258]. Любопытно, что хотя и можно вполне обоснованно спорить насчет того, насколько официальная советская философия в лице диалектического и исторического материализма была хорошей философской системой, но в своих прямых предшественниках марксизм-ленинизм числил философии и Фихте, и Гегеля, которых или подобных которым как раз и опасался Леонтьев для будущего России.

Впрочем, в имеющейся исследовательской литературе на самом деле уже много писали о сбывшихся предсказаниях Леонтьева и относительно мифа о панславянском братстве, и о будущем социализма. Однако, как мне кажется, есть еще одна сфера, применительно к которой можно говорить сегодня об очередном, сбывающемся на этот раз прямо на наших глазах пророчестве К.Н. Леонтьева. Я имею в виду его убеждение, что либерализм влечет за собой уравнивание, всесмешение, упрощение и в конечном счете разрушение и гибель как культуры, так и жизненного мира человека в целом, что он убивает его «цветущую сложность».

Давайте попытаемся понять, в каком мире и в какой культуре мы сегодня живем с точки зрения, во-первых, их красоты и эстетичности, и, во-вторых, его «цветущей сложности», т.е. такой сложности, которая имеет благотворный для человека и развивающий его личность характер. Для этого надо для начала просто оглянуться вокруг себя и попытаться непредвзятыми (хорошими) глазами посмотреть на то, что нас окружает в нашем быту и в нашей культуре. Позволительно назвать это некой феноменологической попыткой – попытка непредвзято увидеть и описать то, что нас окружает и в чем мы живем, наш жизненный мир. Несколько переиначивая слова А.Ф. Лосева, который говорил, что диалектика – это просто хорошие глаза, скажем, что то, что мы называли здесь феноменологией, – это просто хорошие глаза. Кстати, ведь и сам Константин Николаевич был не чужд феноменологической, *описательной* методы. Недаром о. Иосиф Фудель сказал про Леонтьева, что он был *художник мысли*: «Он не публицист в прямом смысле этого слова, ни тем

менее философ; напрасно мы стали бы искать в его сочинениях какой-либо системы, облегчающей понимание, или точно выраженных посылок, объясняющих неожиданный вывод. К. Леонтьев есть прежде всего *художник мысли*, как он сам часто любил называть себя. Он мыслит образами, и яркие картины, которые могли бы служить хорошей иллюстрацией доказанной мысли, очень часто заменяют ему всякие логические доказательства» [11, с. 160].

Мыслить образами – не мыслить ли эйдо-сами, по-гуссерлевски? Ведь первое значение греческих слов «идея» и «эйдос» и есть внешний вид, образ вещи. Ведь и Платон с его художественно-философскими диалогами был великим *художником мысли*.

И правда, сам Леонтьев говорил порой, что он довольствуется иногда лишь описанием того, что видит, не рискуя при этом рассуждать о причинах описываемого. Так, в «Национальной политике как орудии всемирной революции» он сначала констатирует: «Ясно вот что: *“Движение современного политического национализма есть не что иное, как видоизмененное только в приемах распространения космополитической демократизации”*». У многих вождей и участников этих движений XIX века цели действительно были национальные, обособляющие, иногда даже культурно-своеобразные, но результат до сих пор был у всех и везде один – космополитический» [6, с. 500]. И тут же добавляет: «Почему это так, не берусь еще сообразить...» [6, с. 500].

* * *

XX век был веком грандиозного столкновения между собой трех ведущих идеологий: коммунизма, либерализма и фашизма. Они породили и множество промежуточных идеологических течений, но в целом три этих идейных направления были главными соперниками и матрицами, порождавшими идейно-политические и социально-экономические смыслы. К концу XX в. определился победитель этой битвы – либерализм. Он оказался наиболее гибким и отвечающим потребностям секуляризованного человечества, победившим потому, что он в рамках закона дает простор склонностям человеческой натуры, предоставленной самой себе: освободившейся от религии, хотя и пока еще несущей в себе ее остаточный свет.

Сегодня ситуация такова, что, несмотря на все соперничество на международной арене

разных держав и центров сил, на все более усиливающуюся политическую полицентричность мира, либерализму как идеологии нет внятной альтернативы. Разве есть сейчас, например, какие-то идеологические принципы, которые в теории и политической практике, в идеологических спорах успешно противопоставляют принципам демократии или прав человека? Или принципу верховенства обезличенного закона? Или принципу выборности власти? Спорят разве что о том, как правильно интерпретировать демократию, в какой стране она настоящая, а в какой – поддельная, сфальсифицированная и манипулируемая, и где действительно соблюдаются права человека, а где – нет.

Сегодняшний мир – его общественно-политическое устройство в подавляющем большинстве стран, его экономика, его культура, его быт и внешний облик – испытывает всепроникающее действие либерализма, либеральных принципов. Он все больше и больше формируется и унифицируется по либеральным канонам, причем каким-то естественным образом, как бы сам по себе. Как отмечал Александр Дугин, либерализм при этом перешел с уровня идей, политических программ и деклараций на уровень вещей, войдя в плоть социальной реальности, которая стала либеральной, но не политически, а бытовым, каким-то «естественным» образом. Даже противники либерализма живут во многом уже в необратимо либеральном обществе, либеральной среде, и сами являются полусознательными или бессознательными либералами.

* * *

Итак, насколько в сегодняшнем мире, в мире побеждающего либерализма (если все же брать главенствующие, глобальные тенденции, а не пока еще остающиеся «островки сопротивления» им), оправдалась идея-прогноз Леонтьева о том, что эта победа означает усреднение и гомогенизацию, наступающее однообразие общества и культуры? Индивидуализм как политический и общественный принцип губит индивидуальность, говорил Леонтьев, культурное и человеческое разнообразие. На место цветущей сложности в результате всесмешения все больше и больше заступает однообразие и упрощение. Они, с точки зрения теории Леонтьева о трех стадиях развития, сигнализируют о том, что данная цивилизация находится в преддверии своей гибели.

Здесь надо предварительно подчеркнуть, что Леонтьев всегда настаивал на принципиальном различии понятий прогресса (его общепринятого понимания) и развития. Развитие – это не просто движение и выступание вперед (что дословно значит латинское слово «progressus»), и только поэтому оно хорошо и оправданно. Ведь вперед можно двигаться и к пропасти, обрыву и катастрофе. Также развитие – это не количественный рост в каких-то отдельных сферах или по отдельным параметрам, потому что он может происходить за счет остального целого. Развитие – это рост и увеличение разнообразия в гармоническом единстве. Развивается и расцветает то бытийное целое, тот бытийный организм, в котором в рамках его единства появляется все больше новых типов и лиц, проявляется все больше сил и тенденций, который становится поэтому все интереснее (inter-esse в латинском языке означает «иметь разницу», «отличаться»).

Можно сказать, что мы живем в эпоху бурного количественного роста в отдельных областях социума и нашего жизненного мира, при прогрессирующем сворачивании общественного и жизненного разнообразия. Какие общественные, общественно-экономические и иные тенденции порождают гомогенизацию былого разнообразия?

1) **Бурный рост и быстрота сообщений** (транспортных, коммуникационных и т.д.) сближают ранее далекое и способствуют смешению и уподоблению тех «вещей», индивидуальность которых ранее хранило пространственное и иное отстояние друг от друга. С этой точки зрения не знаешь, например, радоваться или огорчаться скоростным поездом – пригородным и междугородным. Конечно, передвигаться ими удобно и комфортно, но они убивают феномен дороги, путешествия. Переноса туда и обратно потоки людей и вещей с огромной скоростью, они способствуют возрастающему как бы комфортному однообразию мира.

2) **Интернет** как бездонный и неисчерпаемый резервуар самой разной информации. Здесь любому субъекту дается слово и возможность представления, а информация не контролируется единым центром или системой цензуры. Тем самым Интернет способствует уравниванию любых культурных и общественных иерархий, подрыву самого понятия и феномена авторитета – культурного, общественного, политического и т.д.

3) **Преимущественная ориентация на коммерческую выгоду** порождает гигантское расширение сетевых предприятий в сфере обслуживания: кафе, магазинов и т.д. Малые магазины и кафе в центрах городов все больше вытесняются сетевыми супермаркетами и кафе со стандартными наборами продуктов и блюд. Сетевые продовольственные магазины стремятся воплотить собой победу над пространством и временем: в любое время года, независимо от сезона, в них продаются в изобилии одни и те же продукты, свезенные из разных частей мира. Несезонность того или иного продукта может выражаться лишь его повышенной ценой.

И с этим невозможно бороться, это такой же неумолимый процесс, потому что этого требует логика глобального либерального капитализма. Само стремление к комфортной и обеспеченной жизни, к тому, чтобы предоставить ее как можно большему количеству людей (вроде морально благородное и оправданное) порождает стандартизированное производство и потребление.

За всем этим стоят общественно-индивидуальные страсти: жадное стремление как можно больше видеть и говорить, потреблять продуктов и информации. Задача соответствовать грандиозному количественному росту потребностей и их удовлетворения и порождает возрастающую роль и значение стандарта: каждому человеку невозможно предоставить жизненные средства в достатке, изготовленные по индивидуальным лекалам и меркам. Отсюда – рост объемов и значения рекламы, скрывающие недолговечный, неиндивидуальный и «пластмассовый» характер предлагаемых товаров.

Быт. Бытовая среда в самом широком смысле (одежда, домашняя утварь, мебель, кухня и еда) становится все более одинаковой в разных странах и регионах мира. Этому способствует то же проникновение повсюду транснациональных корпораций (Макдоналдс, IKEA, Auchan и т.д.). В результате по всему миру все более похожим образом обставляются жилища, люди едят все более одинаковую пищу. В крупных городах рестораны самых разных кухонь мира создают стандартизированное разнообразие в меню и выборе блюд. При этом, конечно, например, японская еда и кухня в Москве или Париже пока еще совсем не то, что аутентичная еда и кухня в самой Японии.

По внешнему облику человека, его одежде чаще всего уже не скажешь, из какой он страны

мира. Также по современной одежде уже гораздо труднее судить о достатке человека. Демократизация доходит до того, что миллиардеры стремятся выделяться уже не своей одеждой, а, напротив, демократичностью облика. Это сегодня считается проявлением вкуса и общественного такта со стороны богатейших людей, этого от них требуют.

Городская и транспортно-техническая среда. Мы, люди больших городов, живем в стандартизированной среде: населяем стандартные квартиры, ходим в одни и те же сетевые магазины, расплотившиеся в каждом квартале и предлагающие везде огромный, но одинаковый ассортимент. Жизнь городов, крупных и малых, все больше сосредоточивается вокруг торговых центров. Они представляют собой праздник потребления и всесмешения. Здесь посетителю в одном гигантском здании предложат максимально много – от одежды до ресторанов, от бытовой техники до похода в кино или фитнес-клуб. «Как в римском Пантеоне синкретично сосуществовали в огромном “дайджесте” боги всех стран, так в нашем Супер-шопинг-центре, который для нас является нашим Пантеоном, нашим Пандемониумом, объединились все боги или демоны потребления, то есть все виды деятельности, все работы, все конфликты и все времена года, уничтоженные в одной и той же абстракции. В субстанции объединенной таким образом жизни, в этом универсальном дайджесте не может больше быть смысла: невозможны больше мечта, поэзия, работа рассудка, то есть великие схемы перемещения и сгущения, великие метафоры и противоречия, которые покоятся на живом соединении различных элементов. Единственное, что здесь царит, – это вечная замена гомогенных элементов. Нет больше символической функции, есть вечная комбинаторика “среды” в условиях вечной весны» [1, с. 16–17]. Однако поразительно, что огромной величине этих Супер-шопинг-центров всегда соответствует ощущение спертости воздуха и пространства, какая-то неясно ощутимая физическая и метафизическая духота.

Городское пространство (жилые кварталы, площади, парки) в разных странах оформляется уже по единым рецептам урбанистики. Новые стандартизированные экологичность и эргономичность городских пространств оставляют впечатление некоей стерильности и искусственности, тут городскому пространству не

оставляется важнейшего свойства – быть самим собой. Новым урбанистам до всего есть дело, они любой закоулок преобразуют и «окультурят». Поэтому в новых городах не предусмотрено сколько-нибудь запущенных парков. Все должно быть под контролем, все должно учитываться и использоваться. Естественная городская среда уходит в прошлое.

То же впечатление однообразной искусственной стерильности оставляют крупные транспортные узлы (аэропорты, вокзалы), похожие один на другой в разных странах мира. Все продумано, коммерчески и рационально задействовано, комфортно и стерильно, в результате чего вокзалы и аэропорты крупных городов обезличены и почти неотличимы друг от друга.

Кстати, гораздо более однообразным по сравнению с прошлым является внешний вид разных марок автомобилей. Средние по цене машины уже мало чем внешне отличаются от более дорогих и более дешевых моделей. Не автолюбитель может даже и не скажет по внешнему виду, видит он перед собой дорогой или дешевый автомобиль.

Война и мир. Любопытно, как не слишком эстетично и весьма однообразно теперь выглядят военные разных армий в своем боевом снаряжении. Прошли времена, когда солдаты и офицеры разных армий стремились отличаться формой и ее расцветкой. Победили вполне понятные соображения прагматики для успешности ведения боевых действий. Самые эффективные специалисты по боестолкновениям («зеленые человечки») выглядят примерно одинаково, напоминая кого-то вроде быстродвигающихся жуков зеленой и грязно-зеленой расцветки.

С точки зрения прогрессирующего всеشمещения любопытно выражение «гибридная война». Этот феномен определяют как такой вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя информационное и экономическое давление (санкции), скрытые операции, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника. Что важно, непосредственные военные действия могут вообще даже не вестись, и гибридная война может идти в мирное время. Нападающая сторона осуществляет стратегическую координацию всех своих многосторонних воздействий, оставляя себе возможность более

или менее правдоподобного отрицания своей вовлеченности в конфликт.

Термин «гибридная война» впервые появился в публикациях англоязычных политологов в самом начале XXI в., и тогда он обозначал объявленную США «глобальную войну с терроризмом». Потом его перенесли на соперничество мирового гегемона с Ираном, Китаем и Россией. Здесь для нас важно подчеркнуть, что гибридные войны можно также понять как некое смешение войны и мира, как такой их синтез, когда размывается сама грань между этими основными онтологическими понятиями. Конечно, можно вспомнить, что война в классическом смысле между крупными державами сегодня невозможна из-за ОМП и неизбежного в этом случае мирового ядерного апокалипсиса. Тем не менее, ослабление четкого образа войны и военного как классического человеческого типажа тоже способствует ослаблению и уменьшению в современном мире человеческих различий и индивидуальностей. Эта «гуманитаризация войны» тоже происходит из-за своего рода избегания смерти, прямой встречи с ней. Но кто избегает смерти, как известно, рано или поздно избегает и жизни (Ж. Бодрийяр).

Человеческий тип и человеческое разнообразие. Леонтьев, наверное, не мог себе представить, когда говорил о всеشمещении и наступлении «среднего европейца», что дело дойдет даже до стирания различий между мужчиной и женщиной. ЛГБТ-движение, узаконение однополых браков, лживые лозунги против дискриминации по сексуальному признаку спекулируют на уважении прав личности, уважении к человеческой индивидуальности, но на практике приводят к стиранию человеческих различий (в спорте, армии, семье и т.д.). Ведь главное из них, на котором основываются остальные различия, – это различие между полами, между мужчиной и женщиной.

Тем не менее, современный так называемый гендерный подход-мейнстрим с вовлеченным в него ЛГБТ движением настаивает на том, что, напротив, это его представители отстаивают мир настоящего разнообразия. Возьмем радужный флаг. Кстати, его характерная черта – отсутствие какого-то доминирующего цвета, доминирующей окраски. Автор радужного флага художник Гилберт Бейкер так описал его значение: «Первоначальная идея радужного флага – освобождение. Возможность вырваться на свободу, выйдя за рамки, созданные страхом и

стремлением “соответствовать нормам”, право заявить о своей сексуальности без стыда и боязни возмездия со стороны тех, кто диктует “этические законы”» [10].

Настаивание на приоритете индивидуальных различий в свободе от любых норм и типов Леонтьев в работе о среднем европейце как орудии всемирного разрушения назвал *«многосложностью смешанной»*, в отличие от *«сложности, разделенной на слои и группы»*. Он подчеркивает там, критически разбирая социологию Герберта Спенсера, что *«разнообразие лиц и усиление особой личности в людях обуславливается именно отдельностью социальных групп и слоев с умеренной лишь подвижностью по краям»* [7, с. 207].

Искусство. Показатель подлинного жизненного разнообразия – это его отражение в искусстве. По Леонтьеву, это важнейший критерий цветущей сложности того или иного общества или культурно-исторического типа. Леонтьев считал эстетическую точку зрения наиболее объективной (кстати, вопреки традиционным представлениям об эстетике и эстетическом как царстве субъективности) в том смысле, что она приложима ко всему в мире – «от минерала и до самого всесвятейшего человека» [9, с. 78]. Но чтобы возникла полноценная поэзия, литература, живопись и т.д., должна существовать прежде всего поэзия жизни, на почве которой они только и могут возникнуть: *«Чтобы жизнь сама была достойна хорошего изображения. – Эстетика жизни гораздо важнее отраженной эстетики искусства»* [9, с. 79–80]. Однако если судить по сегодняшнему состоянию культуры в мире в целом (литература, музыка, кино и др.), то никакого *настоящего* жизненного разнообразия нет. Что значимого на общемировом уровне написано в литературе в XXI в.? Что создано в музыке? А в живописи? Притчей во языцех в живописи стало словосочетание «современное искусство», употребляемое чаще всего с отвращением и иронией.

Разнообразие на уровне так называемых сингулярных практик и субкультур – это не цветущее разнообразие, а просто пестрота, лишенная единства и единого цвета, единого настроения, как флаг ЛГБТ. Ведь «цветущая сложность» – это «единство в многообразии». А первое разнообразие – это, пожалуй, то, что Леонтьев называл «смешанной многосложностью».

Современную культуру во многом определяют жанр ремейков, т.е. паразитирование на ста-

рых шедеврах, и сериальность, диктуемая соображениями прибыли, когда не надо выдумывать ничего принципиально нового. Например, наиболее популярные достижения в кино и литературе последнего времени – «Гарри Поттер» и «Игра престолов» – тоже раздуты во множество серий и растянуты по этим же соображениям.

Еще одна черта – смешение высокого и низкого. Например, нецензурная речь все более и более проникает в театр, музыку и кино, в литературу, чем тоже на самом деле убивается культура в ее высоком смысле, сама ее определенность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М.: АСТ, 2021.
2. В.В. Розанов и К.Н. Леонтьев. Материалы неизданной книги «Литературные изгнанники». Переписка. Неопубликованные тексты. Статьи о К.Н. Леонтьеве. Комментарии. СПб.: Росток, 2014.
3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Т. 14. Братья Карамазовы: роман в 4 ч. с эпилогом. Л.: Наука, 1975.
4. Корольков А.А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: СПбГУ, 1991.
5. Леонтьев К.Н. Над могилой Пазухина // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 445–460.
6. Леонтьев К.Н. Национальная политика как орудие всемирной революции // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 497–548.
7. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 100–233.
8. Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений: в 12-ти т. Т. 7. Кн. 2. СПб.: Владимир Даль, 2006. С. 118–143.
9. «Преимущество от отцов»: Константин Леонтьев и Иосиф Фудель: Переписка. Статьи. Воспоминания. СПб.: Владимир Даль, 2012.
10. Радужный флаг (ЛГБТ) // Википедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Радужный_флаг_\(ЛГБТ\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Радужный_флаг_(ЛГБТ))
11. Фудель И. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Антология. Кн. 1. СПб., 1995. С. 160–180.

REFERENCES

1. Baudrillard, J., 2021. Obshchestvo potrebleniya [The consumer society]. Moskva: AST. (in Russ.)
2. V.V. Rozanov i K.N. Leontiev. Materialy neizdannoi knigi «Literaturnye izgnanniki». Perepiska. Neopublikovannye teksty. Stat'i o K.N. Leontieve. Kommentarii [Vasily Rozanov and Konstantin Leontiev. Materials of the unpublished book «Literary exiles». Correspondence. Unpublished texts. Articles about K.N. Leontiev. Comments]. Sankt-Peterburg: Rostok, 2014. (in Russ.)
3. Dostoevsky, F.M., 1975. Polnoe sobranie sochinenii: v 30-ti t. T. 14. Brat'ya Karamazovy: roman v 4 ch. s epilogom [The complete collected works: in 30 volumes. Vol. 14. The Brothers Karamazov]. Leningrad: Nauka. (in Russ.)
4. Korol'kov, A.A., 1991. Prorochestva Konstantina Leontieva [The prophecies of Konstantin Leontiev]. Sankt-Peterburg: SPbGU. (in Russ.)
5. Leontiev, K.N., 2007. Nad mogiloi Pazukhina [Over Pazukhin's grave]. In: Leontiev, K.N., 2007. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 445–460.
6. Leontiev, K.N., 2007. Natsional'naya politika kak orudie vsemirnoi revolyutsii [National policy as an instrument of world revolution]. In: Leontiev, K.N., 2007. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 497–548. (in Russ.)
7. Leontiev, K.N., 2007. Srednii evropeets kak ideal i orudie vsemirnogo razrusheniya [The average European as an ideal and instrument of universal destruction]. In: Leontiev, K.N., 2007. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 8. Kn. 1. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 100–233. (in Russ.)
8. Leontiev, K.N., 2006. Chem i kak liberalizm nash vreden? [Why and how is our liberalism harmful?]. In: Leontiev, K.N., 2006. Polnoe sobranie sochinenii: v 12-ti t. T. 7. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', pp. 118–143. (in Russ.)
9. «Preemstvo ot ottsov»: Konstantin Leontiev i Iosif Fudel': Perepiska. Stat'i. Vospominaniya [«Succession from the fathers»: Konstantin Leontiev and Iosif Fudel: Correspondence. Articles. Memories]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal', 2012. (in Russ.)
10. Raduzhnyi flag (LGBT) [Rainbow flag (LGBT)]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Падужный_флаг_\(ЛГБТ\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Падужный_флаг_(ЛГБТ)) (in Russ.)
11. Fudel', I., 1995. Kul'turnyi ideal K.N. Leontieva [The cultural ideal of Konstantin Leontiev]. In: K.N. Leontiev: pro et contra. Antologiya. Kn. 1. Sankt-Peterburg, 1995, pp. 160–180. (in Russ.)

